

Жизнь в Пуннусе в 1930-х

Серпы рождались в кузнице Хёльтта

Село Пуннус располагается у озера с тем же названием и продолжается ровными полями и просторными холмами. Селяне устраивают свою жизнь большей частью на рассекающих село рукавах улочек в типичном для жителей Перешейка деревенском порядке. На глинистых полях колосится длинностебельная рожь и пшеница – основа существования. В 30-х годах разведение кур и продажа яиц были развиты повсеместно, но отсутствие достаточного производства молочных продуктов привело к необходимости готовить масло на дому. Именно масло стало товаром повседневного обмена.

Портрет деревни дополняют магазинчики, мельницы, мастерские, кабачки и другие необходимые места с мастерским человеком. Род кузнецов Хёльтта (Hölttä), известный своим производством серпов, представлял высокий уровень ремесла и следование традиции жителями деревни Пуннус. Глава рода, Юллё (Yllö), уже в 30-х отошел от дела, но его сыновья Матти, Антти и Оскари занимались кузнечным ремеслом в расположенной в центре села старой древесно-серого цвета мастерской. Оскари специализировался на изготовлении деревянных водосливов и насосов, и эта новинка производства давала на Перешейке доход с его загородными домами и закрытыми дворами.

Но задержитесь минутку на интересной картине рождения серпа, увиденной пятнадцатилетним подростком в черном проёме двери мастерской.

Пыхтящие меха раздувают в горне ярким жаром огонь, языки которого облизывали языком будущее лезвие серпа до белого накала. После быстрого движения щипцами раскалённое стальное лезвие оказывалось на наковальне – несколько выверенных ударов молотом, и серп начинал получить знакомую форму. Время от времени заготовка обрабатывалась шлифовальным кругом перед нанесением зубцов.

Не одно летнее утро я просыпался от звука ритмичных ударов молотка Матти. Он сидел за верстаком снаружи мастерской и твердой рукой с помощью долота наносил на дугу серпа красивый ровный ряд режущих зубцов. Насколько я помню, каждого из зубцов требовалось три различных удара и три положения долота, чтобы разомкнуть зубец-бороздку.

Затем серп возвращался в кузницу снова для прокалки в печи, формовке на наковальне, охлаждения и закалки в деревянной посудине с особым раствором для придания лезвию твердости и прочности. Эти смеси-растворы были профессиональным секретом кузнецов. Наконец, на нагретый конец серпа умело насаживается выструганная из рябины ручка. На многих полях прихода жали серпами Хёльтта с желтой рябиновой рукоятью, которая одинаково хорошо подходила и для руки дочери, и для руки хозяйки.

В роду Хёльтта были и купцы, и мельники, и сапожники, которые сделали свой вклад в развитие села.

Мужчины в приходе Муолаа занимались особым ремеслом, о котором да будет упомянуто. В 30-х годах жители Пуннуса уже перестали им заниматься, но люди из соседней деревни Химала много рассказов поведали о поездках в Финляндию.

Ремесло это – обмен в «барахольной» Финляндия глиняных горшков из Кюурёла (Kuurgölä) на «тряпки» и «металлолом». Поездки проводились в зимнее время и простирались до окрестностей Турку и Хельсинки. Эти торговые туры длились неделями и, очевидно, были очень даже интересными для их участников. Помнятся многие моменты историй, которые рассказывали в кооперативном магазине мужики о поездках в шведоязычные районы под Хельсинки.

В крупных селах было много молодежи, и у нас были свои места куда пойти и где развлечься. Самый большой дом для вечеринок располагался на краю соснового бора на открытой сухой поляне. Позади дома было нечто вроде спортивной площадки и уединенная сосновая роща для любителей карточных игр. Молодежь старалась не пропускать на танцы в Химала, Пентсяля (Pentsälä), а летом в Кюурёла, Валкъярви (Valkjärvi) и Пёлляккя (Pölläkkä). Особым развлечением летом были танцы по воскресеньям на пароходах. Празднества, устраиваемые в различных приходах, также, привлекали молодежь и не давали засиживаться дома.

Вспомним также еще летние «колена», как их называл Антти Хёльтта, – вечерние хороводы в будни на полянах. Музыку играл один человек на скрипке, аккордеоне, мандолине или губной гармошке, а в перерывах – хороводные танцы. Музыкантам, заезжавшим иногда в такие неприветливые места, платили вскладчину, поэтому опасались жуликов-гастролеров.

Зимой швейные кружки давали возможность еженедельно собираться по вечерам. Свадьбы, соревнования, различные курсы и субботники (добровольческие работы) были внутриобщинными событиями. Вечера же коротались в соседних деревнях.

В картине села Пуннус, в обращенных в прошлое воспоминаниях видятся: крепкий хозяин со своей лошадью и повозкой; широкие волнующиеся ржаные поля; смеющиеся за прилавком девчущки и хозяйки, которым можно бросить очень озорное, но знакомое словечко, не опасаясь, что они наморщат нос; огромные свиньи и слякотные осенние переулки, по которым почтальон Рикконен всегда, то пешком, то на велосипеде, то верхом на лошади – как придется – держит свой путь. А за спиной остается озеро Пуннус с камышовыми берегами и береговыми холмами.

Эркки Таберман

Газета «Карелия» 8/1972

«От общины общине»

Приложение. Муолаа

Автор – недавно ушедший Эркки Таберман, сын Вильгельма Табермана, директора магазина Кооперативного движения на Перешейке. Отец-Вилле был известен как купец и рассказчик, а его сын, Эркки Таберман, стал популярным поэтом.

Сын Эркки Табермана, Томми Таберман (1947-2010) также стал популярным поэтом и с 2007 до самой смерти был депутатом Парламента Финляндии.